

Н. А. Соболевская

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ В СЕЛАХ ПРИАМУРЬЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

Русское население приамурских сел специально не изучалось этнографами. Имеются лишь скудные сведения об истории заселения и социально-экономическом развитии приамурских поселений на рубеже XIX—XX вв. в работах общего характера, опубликованных преимущественно в начале XX в.¹

Советские исследователи также уделяли внимание в основном проблемам социально-экономического развития дальневосточного крестьянства. Специфика народного быта по-прежнему остается малоизученной. В настоящей статье впервые будет рассмотрен один из существенных элементов материальной культуры — сельское жилище Приамурья начала XX в. При этом будут учтены этнические и природно-географические факторы, влиявшие на уровень развития материальной культуры русского населения Приамурья в дооктябрьский период².

Источником для написания данной работы явились прежде всего материалы полевых наблюдений, собранные во время экспедиций Хабаровского краевого краеведческого музея в 1978 и 1980 гг. в амурских селах Пашково, Башурово, Радде (Облученский район ЕАО) и Верхнетамбовское и Нижнетамбовское Комсомольского района Хабаровского края.

Обмеры, чертежи, зарисовки и фотосъемка отдельных крестьянских построек Приамурья начала XX в. были произведены совместно со студентами архитектурного факультета Хабаровского политехнического института. Полевые материалы собирались с использованием методиче-

¹ Венюков М. И. Состав населения Амурского края. — Изв. Русск. геогр. о-ва, СПб., 1871; Закревский В. А. Земское хозяйство в Амурской и Приморской областях. СПб., 1911; Лопатин И. А. Кустарно-ремесленные промыслы на Нижнем Амуре. Хабаровск, 1916; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области, т. 1—4. Саратов, 1912; т. 5—6. Владивосток, 1914, 1917. Труды Амурской экспедиции. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. СПб., 1912—1913, вып. II, т. 1—2; Приамурье: Факты, цифры, наблюдения. М., 1909; Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911—1913, вып. 1—17.

² Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984; Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1976; Борзунов В. Ф. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве Дальнего Востока. — В кн.: III научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Владивосток, 1962, вып. II; Котляров Э. Л. К вопросу о социально-экономическом положении Амурской деревни накануне 1917 года. — В кн.: Вопросы всеобщей истории. Хабаровск, 1972; Осипов Ю. Н. Об особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Дальнего Востока. — В кн.: История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973, вып. 1; Сычевский Е. П. К вопросу о социальной структуре амурского крестьянства накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — В сб.: Вопросы истории и социологии Дальнего Востока. Благовещенск, 1972; Шагин Э. М. Некоторые вопросы аграрной революции в советской историографии Сибири и Дальнего Востока. — В кн.: Историографический сборник. Саратов, 1977, вып. 6, и т. д.

ских пособий, разработанных сотрудниками Института этнографии АН СССР³.

Этнический состав населения Приамурья отражает сложный исторический процесс заселения берегов Амура в XVII—XX вв. Освоение этого района русскими началось еще с конца 40-х годов XVII в. Отрядами землепроходцев под предводительством В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, О. Степанова и др. в XVII в. по Амуру и его северным притокам были основаны первые русские остроги и зимовья⁴.

С развитием в России капиталистического способа производства, с середины XIX в., после окончательного включения Приамурья и Приморья в состав России, усилилось заселение и освоение Амура русскими переселенцами. Темпы заселения были неравномерны. Интенсивная колонизация Дальнего Востока началась с 80—90-х годов XIX в. До 1893 г. большая часть крестьян устремлялась в Южно-Уссурийский округ Приморской области. Всего с 1883 по 1892 г. в Южно-Уссурийский край прибыло 19 490 человек⁵.

С 1897 по 1903 г. в Приморскую область прибыло 60 034 человека, а население Дальнего Востока увеличилось с 0,9 млн. до 1,6 млн. человек (на 77,8%). Более половины составляли сельские жители.

В 1906—1917 гг., т. е. в период столыпинской реформы, темпы переселенческого движения из Европейской России на Дальний Восток еще более возросли, причем право переселяться получили малоимущие и неимущие слои крестьянства Украины и Белоруссии. Всего за этот период на Дальний Восток прибыло 259 470 человек, в том числе 167 547 человек в Приморскую область⁶.

В колонизации Амура участвовали казаки из Забайкалья, Кубанской области и области Войска Донского, из которых формировалось с 50-х годов XIX в. Амурское казачье войско. К 1914 г. русско-украинское население Дальнего Востока составляло около 800 тыс. человек (82% всего населения этой территории).

Население двух рассматриваемых районов Приамурья — Среднего и Нижнего Амура — по своему этническому и социальному составу различно, но объединяла его принадлежность к «старожилам».

Станицу Радде (1857 г.), поселки Пашковский (1857 г.) и Башуровский (1874 г.), входившие в прошлом в Амурскую область, основали забайкальские казаки-переселенцы с р. Горбицы. Казаки этих амурских сел служили в амурском пешем полубатальоне, штаб которого размещался в станице Екатерино-Никольской. В этническом отношении забайкальские казаки представляли особую группу русских, образованную от смешанных браков русского старожильского населения Забайкалья с эвенками и бурятами (так называемые «гураны»)⁷.

Амурское казачество было привилегированным сословием, в котором царское правительство видело свою опору на Дальнем Востоке.

Современные села Радде, Башурово и Пашково находятся в среднем течении Амура, на его левом берегу, в Буренской горной области. Климат здесь мягче, чем в северных районах края, растительный и животный мир богаче, почвы сравнительно плодородны, в силу чего этот район был вполне благоприятен для развития сельского хозяйства.

Крестьяне-переселенцы из Тамбовской губернии России основали села Верхнетамбовское (1860 г.) и Нижнетамбовское (1861 г.). В начале XX в. в эти селения подселились крестьяне с Украины и из Белоруссии. В 1915 г. в Нижнетамбовском — «весьма богатом волостном селе» — насчитывалось 322 жителя. По сведениям современников, «мно-

³ См.: Инструкция по заполнению бланков по жилищи и хозяйственным постройкам. — В кн.: Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середины XIX в. М.: Наука, 1981.

⁴ Александров В. А. Указ. раб., с. 25—26.

⁵ Кабузан В. М. Указ. раб., с. 95—96.

⁶ Борзунов В. Ф. Указ. раб., с. 20, 193.

⁷ См. Волости и населенные места Амурской области. — В кн.: Статистика Российской империи. СПб., 1893, т. XXVII, вып. 2, с. 27; Голубцов Н. Амурский календарь на 1902 г. Благовещенск, 1902, с. 27.

гие жители имели солидные состояния, даже капиталы...». С. Верхнетамбовское «имело торговое и промысловое значение весьма малое»⁸. Оба села находятся на правом берегу Нижнего Амура. Для рельефа этого района характерно чередование низменностей и невысоких хребтов Сихотэ-Алиня. Климат значительно более суровый, с холодными зимой и весной, коротким сухим летом. Земледелие здесь малопродуктивно.

В хозяйстве местного населения большое развитие получило рыболовство, связанное с сезонным ходом кеты и горбуши. Появились и вызванные к жизни главным занятием промыслы: бондарный, лодочный. Кроме того, крестьяне занимались извозом, поставляли дрова на пароходы.

В целом, в Приамурье господствуют муссоны, с характерными резкими колебаниями температуры, летними и осенними паводками; почвы в значительной части избыточно увлажненные, с тонким пахотным слоем. Все это было непривычно для русских переселенцев и затрудняло развитие земледелия в этих районах Дальнего Востока. Природные условия повлияли на направление развития и тип хозяйства сельского населения Амура, что в свою очередь сказалось на застройке селений и устройстве жилища.

Все обследованные селения (Радде, Башурово, Пашково, Верхне- и Нижнетамбовское) по классификации Е. Э. Бломквист относятся к приречному типу, характерному для северной полосы Европейской России и Восточной Сибири⁹.

Селения, протянувшиеся вдоль береговой линии Амура, имеют линейный или дуговой типы планировки. Всюду, кроме Башурово, застройка начиналась от берега, вдоль которого шла самая первая (сейчас самая старая) улица, обычно называвшаяся Набережной. Только с. Башурово строилось на расстоянии 850 м от амурского берега, у впадающей в Амур небольшой речки Волчьей.

Вот как описывает очевидец амурскую казачью станицу.

«Казачи живут в станицах, местами по крутому, местами по ровному берегу Амура; маленькие необшитые деревянные дома станиц, имеющие не более 2—3 окон, выстроены все по единому образцу в одну линию. Вид станиц чрезвычайно однообразный и не производит впечатления зажиточности и домовитости обитателей. В центре станицы или на ее окраине стоит на возвышенном месте небольшая церковь, а недалеко от нее группа более крупных домов для священника, сотенного командира, правления и училища»¹⁰. Позднее, по мере заселения, появились улицы, параллельные Набережной, их пересекали спускающиеся к Амуру переулки и новые улицы, образовались кварталы.

Амурские поселения по сравнению с селами Южно-Уссурийского края, Зейско-Буреинской низменности небольшие¹¹. В 1893 г. в Пашковском было 200 жителей, в Башурово — 139, Радде — 422, в 1915 г. — в Верхнетамбовском — 210 жителей, в Нижнетамбовском 322. В 1910 г. в п. Пашковском насчитывалось 60 домов, 147 нежилых построек, в п. Башуровском — 30 домов, 95 нежилых построек, в ст. Радде — 107 домов, 277 нежилых построек¹², в с. Верхнетамбовском — 42 дома, 62 нежилых постройки, в с. Нижнетамбовском — 23 жилых, 42 нежилых постройки¹³.

⁸ Лопатин И. А. Кустарно-ремесленные промыслы на Нижнем Амуре. Хабаровск, 1916, с. 35—37.

⁹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн. Восточнославянский этнографический сборник. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ), т. XXXI. М., 1956, с. 30.

¹⁰ Волости и населенные места Амурской области, т. XXVII, вып. 2, с. 26.

¹¹ Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1—20 июня 1915 г., табл. 1. Владивосток, 1915.

¹² Труды Амурской экспедиции. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. СПб., вып. II, т. I, ч. I (Поселенные таблицы), с. 158—163.

¹³ Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. Владивосток, 1912, табл. на с. 14.

Рис. 1. Дом И. Макарова, село Радде Еврейской Автономной Области (далее ЕАО)

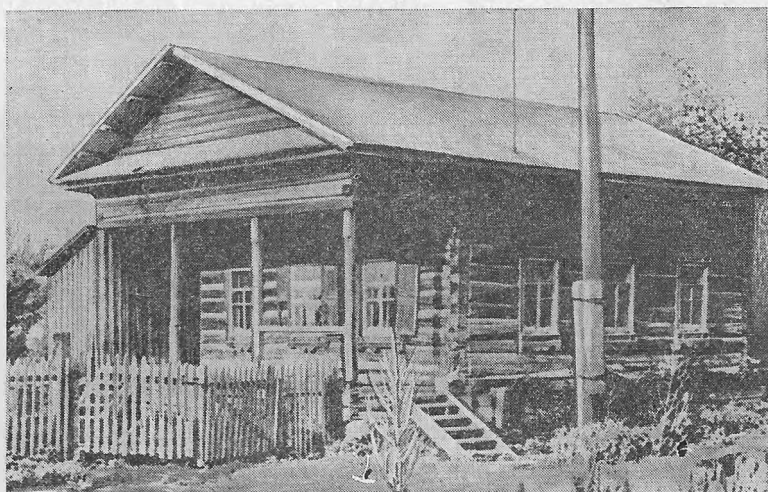

Рис. 2. Дом Русина, село Пашково ЕАО

Сохранилось незначительное число жилых построек конца XIX — начала XX в., хозяйственных же не осталось вовсе. Обследование построенных в начале XX в. жилищ проводилось выборочно, с учетом ранее собранных сведений по истории их возведения. Так, в с. Верхнетамбовском из 7 построек обследованы 4, а в Нижнетамбовском — все 12. Составлены описи 7 жилых построек в Радде, 9 — в Башурово, 3 — в Пашково.

Селения казаков расположены около хребта Малый Хинган, богатого ценными лесными породами, в том числе корейским кедром, имеющим красивую крепкую древесину. Для строительства использовались лиственница и кедр, которые в других местностях шли только на отдельные части сруба: влагостойкая лиственница — на нижние венцы, кедр — для отделочных работ.

В строительстве дома участвовали вся семья и родственники. Первый венец сруба клали на камни, уложенные по всему периметру. Значительная часть жилых построек во всех трех селах имеет именно такой фундамент, приспособленный к переувлажненной почве, на которой быстро гнивали нижние венцы сруба. Невдалеке от казачьих селений,

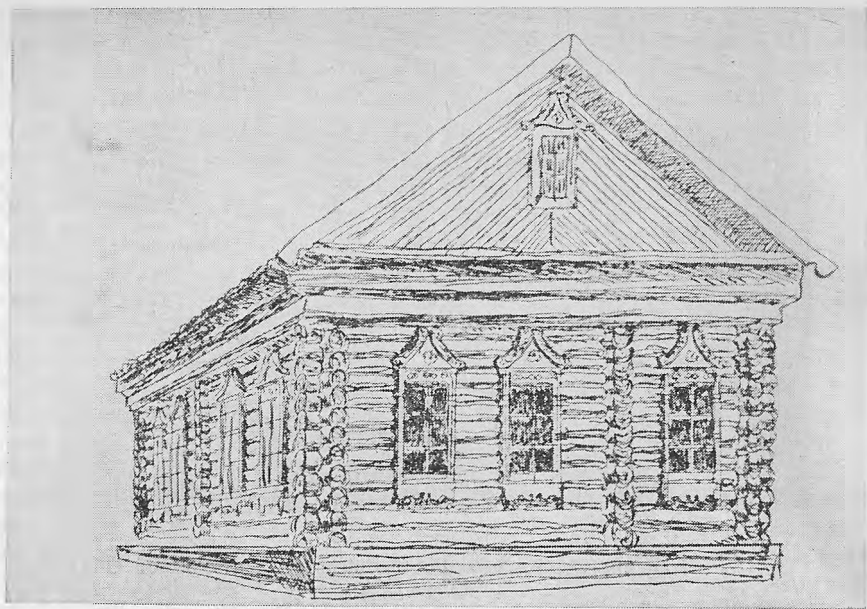

Рис. 3. Дом-шестистенок в селе Нижнетамбовское

по словам старожилов, находились каменоломни, откуда брали строительный материал.

В Пашково встречаются фундаменты из лиственничных столбов, вкопанных по углам сруба. Подобные фундаменты ставили в севернорусской полосе европейской части страны, в Сибири, на Алтае. Одинарные полы из толстых кедровых плах настилали на уровне второго-третьего венца. Жилища имеют низкий подклет и погреб.

Соединяли бревна сруба «в угол», реже «в лапу». Толщина бревен — 25—35 см. Матицы из сдвоенных брусьев укладывали обычно параллельно входу. Сверху на матице крепили потолочник из полубревен или плах кедра, снизу иногда потолок подшивался тесом. Со стороны крыши потолочины обмазывали глиной и насыпали на них слой опилок толщиной 20—25 см.

Крыши домов двускатные, стропильные на связях. В начале XX в. крыши покрывались тесом или дранью, у бедной части населения — пластами березовой коры. Окна косячатые, со ставнями и без них, по два-три окна на фасадной стороне и два-три выходящих на галерею. Размеры домов небольшие. В основном это избы четырехстенки и пятистенки. К дому со стороны двора пристроены холодные сени, часть которых занимала кладовая.

Для облика казачьих домов характерна — «терраса»; ее каркас образован «выпуском» по торцу сруба нижних и верхних венцов, между которыми врубались три опорных столба. Нижняя часть террасы зашивалась фигурными досками, скрепленными перилами. Зажиточные казаки имели застекленные террасы.

В жилище можно было попасть через два входа: один с улицы вел на боковую террасу, которая соединялась с сенями, как бы продолжавшими ее, но уже с заднего фасада. Другой вход — со двора через сени непосредственно в избу.

Внутренняя планировка жилища была севернорусского типа. В прошлом, как удалось выяснить в ходе опроса, русские печи стояли справа от входа и были обращены устьем к окнам противоположной от входа стены. Между кирпичной печью и стеной было запечье, куда складывались ухваты, лопаты для хлеба, кочерги. Закрывалось запечье шторкой. Перед печью в полу находился люк, ведущий в подполье.

Интерьер изб был очень прост: у печи на стене висела полка — «посудник», рядом мог стоять керамический чан с водой. Мебель была са-

модельная: деревянный стол, лавки вдоль стен; деревянные кровати и сундуки с хранившейся в них одеждой в пятистенке находились в горнице. В потолке, налево от входа, в некоторых домах сохранились еще крюки с кольцами-креплениями для детских зыбок. Внутри избы пазы между бревнами промазывали глиной, стены белили.

Сохранившийся наружный декор домов небогат. Тесовый карниз обычно не имел резьбы. Пропильной резьбой украшали лишь наличники окон.

Богато и своеобразно орнаментировались высокие (40—50 см) кокошники наличников. Лобань оформлялась сверху волютами или прямолинейным карнизом. На кокошниках домов в Пашкове и Радде встречаются карнизы «коньком», переходящие в горизонтальные полочки. Мотивы орнамента на кокошниках геометрические и растительные: ромбы, треугольники, розетки, цветы, стебли, завитки. Боковые доски наличников резьбы не имеют, на подоконной доске кое-где встречается скобообразный узор.

Дома во всех трех селах ставили параллельно улице по передней линии усадьбы; слева или справа от них находился сарай или стайка — однокамерная хозяйственная постройка для скота. Стайка строилась так: в пазы основных опорных столбов набирались по горизонтали бревна, двускатную крышу крыли тесом.

В глубине двора ставили амбар и летнюю кухню — постройку, появившуюся в этом районе в начале XX в. и характерную для усадеб южнорусских и украинских переселенцев. Амбары срубные, севернорусского типа, с «защитными» стенками и навесом с фасадной стороны. Такой амбар представляет собой клеть под двускатной крышей. Повалы на продольных стенках поддерживают навес над входом. Подобные амбары с «защитными» стенками встречаются в Восточной Сибири¹⁴.

Дом и хозяйственные постройки стояли на огороженной усадьбе с открытым двором. Площадь усадьбы иногда разделялась на «чистый» и скотный дворы, что было распространено у старожильского населения Сибири. Скотный двор располагался сзади «чистого» или в его боковой части. Размеры усадьбы зажиточного казака доходили от $\frac{3}{4}$ до 1 десятины (около 1 га). К берегу реки выносились баньки-каменки, иногда огороды. К усадьбам примыкали поскотины, обнесенные изгородью, не дававшей скоту уйти в поля или в тайгу¹⁵.

В жилых и хозяйственных постройках сел Пашково, Башурово и Радде можно выделить прежде всего комплекс севернорусских культурных традиций, характерных и для Восточной Сибири (это срубное жилище с подклетом, фундамент из камней и деревянных столбов, характерный тип внутренней планировки дома и комплекс хозяйственных строений). Южнорусские и украинские строительные традиции отмечаются в отделке некоторых домов, в расположении фасадов параллельно улице, в наличии летней кухни.

Своеобразная архитектурная конструкция — терраса была привнесена в этот район, вероятно, казаками-переселенцами из области Вой-

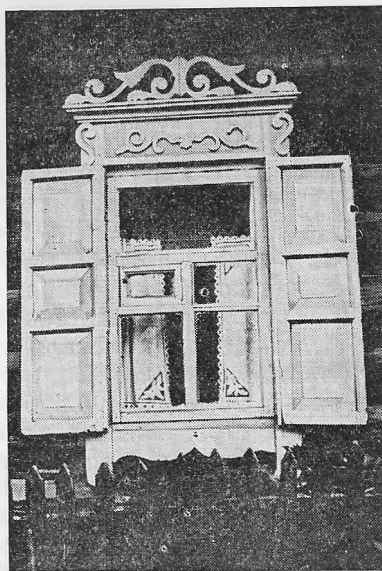

Рис. 4. Наличник в доме Т. А. Козловой в селе Башурово ЕАО

¹⁴ Ащепков Н. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1953, с. 101—103.

¹⁵ Волости и населенные места Амурской области, с. 42.

ска Донского и Кубанской области, для жилищ которых она была характерна¹⁶.

Таким образом, особенности архитектуры сельских жилых построек и застройки усадьбы обследованных казачьих селений по Среднему Амуру сформировались на основе разнообразных традиций, принесенных забайкальскими, донскими и кубанскими казаками, а позже — переселенцами из украинских губерний. Предварительное обследование других казачьих сел выше по Амуру показывает наличие уже отмеченных характерных конструктивных особенностей жилищ, их варианты, а также появление новых, пока еще слабо изученных.

Селения по нижнему Амуру (Нижне- и Верхнетамбовское) были основаны через несколько лет после казачьих сел. Первыми жилищами, по сообщениям информаторов, здесь были землянки крестьян-переселенцев из Тамбовской губернии, но уже в первый год заселения крестьяне стали возводить и постоянные жилые постройки¹⁷.

Материалом для строительства в этом районе служили лиственница и ель — наиболее типичные древесные породы Нижнего Амура. В «Материалах по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области» отмечалось, что в первой промысловой зоне (от устья Амура до с. Вятского) «процент деревянных домов достигает благодаря обилию леса — 100%, высок также процент деревянных крыш — 77%. Дома большие — средняя площадь постройки до 17 кв. сажен» (около 30,4 м²)¹⁸.

Лес для постройки рубили зимой, бревна сначала собирали во временный сруб. Через некоторое время приступали к строительству дома. При строительстве помогали родственники, иногда нанимали односельчан. Строительный лес был несколько хуже, чем в казачьих селах (диаметр бревен 20—25 см). Сруб возводили высотой в 13—16 венцов.

Техника строительства применялась та же, что и в казачьих селениях, — в «чашу», в «чистый угол» («лапу»). Однако бедные крестьяне, строившие избы из плохого леса, складывали сруб «в охряпку».

Фундаментом служили столбы из лиственницы под углами дома, что характерно для севернорусского строительства. Весьма своеобразно было устройство фундамента в виде клеток из двух-трех рядов бревен (длиной около 0,6 м), которые назывались «городки». Сам этот термин довольно архаичен. Срубные «городки» использовались в период освоения Сибири при строительстве крепостей. На Нижнем Амуре такой прием стал применяться, по-видимому, в связи с промерзанием грунта.

Для утепления жилища делали земляную завалинку. Пол стелили из плах кедра или кедрового теса. Жилища в Верхне- и Нижнетамбовском ставили на более высоком подклете из двух — пяти венцов, в котором устраивали подполье.

Матицы (две — четыре) в избах укладывали как перпендикулярно, так и параллельно входу (определенной закономерности пока не выявлено). Потолочные перекрытия в Нижнетамбовском делали из плах и полубревен, плотно пригнанных друг к другу, снизу подшивали тесом. Потолок со стороны крыши замазывали глиной слоем в 10 см и засыпали землей. В Верхнетамбовском поверх матиц укладывали горбыли или накатник, замазывали глиной, а затем засыпали сухими листьями и землей (слоем в 20 см).

Крыши домов в Нижне- и Верхнетамбовском двускатные, реже четырехскатные, стропильной конструкции на «связях» — переводах. Концы связей выступают за пределы стен и защиты досками, образуя карниз. В начале XX в. крыши в этих селах покрывали тесом из кедра и ели различными способами: «в разбежку», «в притык», «в замок».

¹⁶ Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма середины XIX — начала XX в. М.: Наука, 1970, с. 22.

¹⁷ Архив отдела истории Хабаровского краеведческого музея. Полевой дневник экспедиции 1980 г., № 1, л. 20—21.

¹⁸ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области, т. III, с. 70.

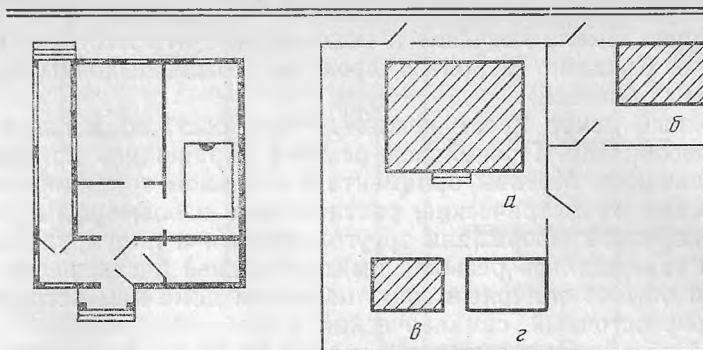

Рис. 5. Планы дома и усадьбы Т. А. Козловой: а — дом, б — стойка, в — летняя кухня, г — амбар

Крыши домов зажиточных сельчан были из волнистого оцинкованного железа (оно завозилось в Приамурье из Америки).

Жилые дома в обследованных селах имеют несколько планировочных вариантов. Самые простые — четырехстенки с пристроенными сенями. Есть и более сложная планировка: пятистенки с сеними (изба + сени + изба) и изба с прирубом.

Усложнение и увеличение площади жилищ на Нижнем Амуре можно связать прежде всего с экономическим фактором: рыбные промыслы способствовали росту бюджета семьи, что давало возможность расширить жилище. Обычно прируб ставили сыновья, так как молодая семья продолжала вести общее с родителями хозяйство.

Вход в жилые постройки как в Верхне-, так и в Нижнетамбовском вел со двора, через пристроенные холодные сени с кладовой. Сени из пиленых досок пристраивались как с широкой стороны дома, так и с торца (в зависимости от расположения дома), иногда занимали только часть стены. Перед входом обычно делали крыльцо с двумя-тремя ступенями без навеса. В домах с более высоким подклетом крыльцо делали на столбах, обшивали досками.

Определение типа внутренней планировки проводилось на основе информации, полученной от жителей обследованных домов. В прошлом в нижеамурских селах русские печи были в каждом доме, в начале XX в. появились голландки. Русские печи до настоящего времени сохранились лишь в с. Верхнетамбовском, во всех других селениях они были в последние десятилетия заменены отопительными печами с плитой.

По данным опроса, в обследованных домах в начале XX в. было несколько типов внутренней планировки: 1) северно- и среднерусский: русская печь была расположена справа от входной двери и обращена устьем к противоположной от входа стене (иногда кирпичную печь ставили не вплотную к стене, оставляя запечье в 20—25 см для складывания ухватов, лопат); 2) восточный южновеликорусский: русская печь расположена у фасадной стороны и обращена устьем к входу; 3) западно-русский вариант: русская печь расположена у стены с входной дверью и обращена устьем к входу.

Убранство хозяйственной и жилой частей избы изучено еще недостаточно. Выяснено лишь, что мебель была передвижная местного кустарного производства: деревянные лавки, стол у окна, стулья, «диван». «Диваном» на Амуре старожилы называют деревянную лавку с резной спинкой и подлокотниками. Он мог находиться в избе или в сенях. Шкаф и полки для посуды — в кухне; кровати, сундуки для одежды — в горнице. Внутри помещения бревна обтесывали, пазы между ними замазывали глиной, затем стены белили.

Итак, в обследованных жилищах, несмотря на довольно стойкую южнорусскую традицию, сохранявшуюся жителями — тамбовскими переселенцами, в начале XX в. значительное развитие получил северно- и

среднерусский тип внутренней планировки. Объяснить это явление можно приспособлением жилища к более суровому климату, чем на родине переселенцев. Имело значение и подселение в эти места ссыльно-поселенцев с о. Сахалин (вероятно, среди них были выходцы из северных и сибирских областей).

Наружный декор крестьянских домов прост, но и здесь есть элементы своеобразия. Пропильной резьбой украшались причелины, карнизы, наличники. Мотивы орнамента в основном традиционные восточнославянские: геометрические, растительные и зооморфные. Края причелин и карнизов оформляли треугольниками и полукружьями. Концы причелин завершались резьбой, имитировавшей кисти, перед которыми помещали обычно солярный знак; на одном доме нам встретился древний дальневосточный семантический знак — «ян» и «инь». Знак этот в домовой резьбе Приамурья появился в начале XX в., когда здесь работали артели китайских плотников-сезонников.

Кокошники наличников — наиболее орнаментированная часть деревянных конструкций дома в нижеамурских селах. По форме карнизы кокошников делятся на два основных типа: прямолинейные и двускатные с «плечиками».

Прямолинейный карниз часто имеет несколько рядов подзоров с геометрическим узором. В надкарнизной резьбе на кокошнике наличника дома Руднева, построенного в с. Пермском в начале XX в., а затем перевезенного в Нижнетамбовское, просматривается необычный зооморфный мотив — головка и крылья летучей мыши — образ, заимствованный из дальневосточной орнаментики.

Подоконные доски в основном ровные, но встречаются и с пропиленным криволинейным симметричным изгибом, который заканчивается «кистями».

Наиболее характерным декоративным элементом кокошников с двускатным карнизом являются волutoобразные завитки нескольких вариантов. На некоторых наличниках встречается сочетание пропильной и глухой резьбы. Так, в Нижнетамбовском на доме, построенном братьями Зиминными в начале XX в., хозяин, умелый плотник, узор выполнил следующим образом: солярные розетки на лобани «выбраны» стамеской, а надкарнизные парные изображения рыб вырезаны способом выпиловки.

Таким образом, в орнаментике домовой резьбы в селах Нижне- и Верхнетамбовском наблюдается смешение общеславянских и дальневосточных декоративных традиций. Такую специфику можно объяснить относительной территориальной близостью и наличием этнокультурных контактов с населением пограничных зарубежных территорий Дальнего Востока.

В прошлом усадьба нижеамурских крестьян огораживалась со стороны улицы бревенчатым или тесовым забором. Попасть в ее двор можно было через калитку рядом с тесовыми воротами, покрытыми двускатной крышей. Дома располагались как по переднему краю усадьбы, так и в глубине ее и были ориентированы на Амур по-разному — и узкой и широкой стороной.

Постройки располагались на усадьбе свободно, но и здесь можно отметить определенный порядок в их размещении. Вся довольно просторная усадьба у амурских крестьян-старожилов делилась на передний («чистый») и задний (скотный) двор, которые отделялись легкой загородкой — редким пряслом. Ширина усадеб вдоль улицы составляла 30—40 саженей (60—80 м), в глубину простиралась на 50—80 саженей (100—160 м).

Помещения для скота — стойки, конюшни, повети, денники — находились обычно позади «чистого» двора. От скотного двора огороды, ограниченные жердяными изгородями, тянулись далее к тайге. Для усадеб нижеамурских сел характерен вынос хозяйственных построек к берегу Амура. К речке через улицу выносились амбары, бани-каменки, а также постройки, связанные с рыбным промыслом: *рыбники, ледники,*

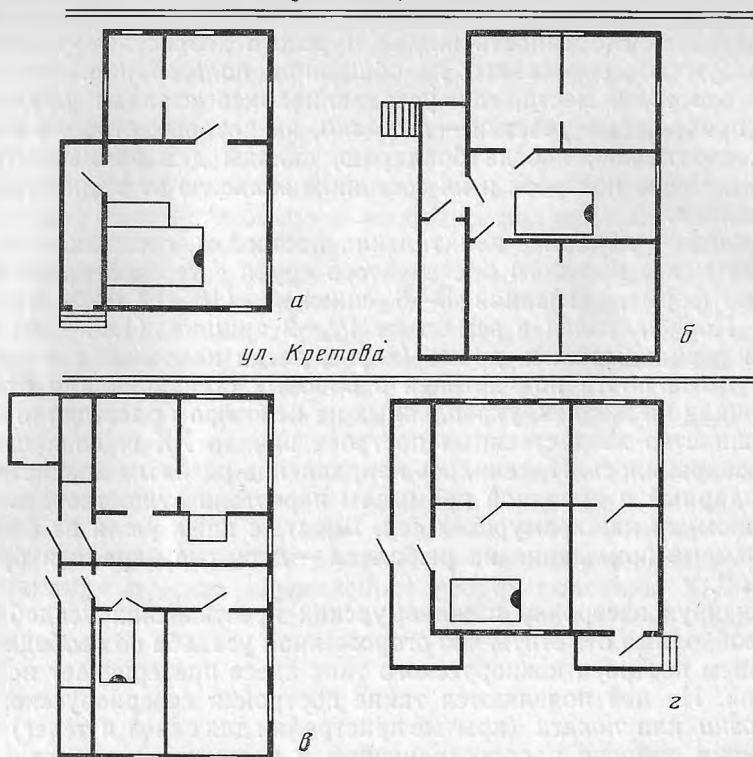

Рис. 6. Планы домов: а — пятистенок в селе Верхнетамбовское, Комсомольский р-н, б — шестистенок-связь в селе Верхнетамбовское, в — пятистенок с прирубом в селе Нижнетамбовское, Комсомольский р-н, г — пятистенок, село Нижнетамбовское, Комсомольский р-н

бондарки, копильни. По воспоминаниям старожилы с. Нижнетамбовского К. Т. Зими́на (1911 г. р.), ры́бник представлял собой однокамерную постройку из теса с двускатной крышей, с земляным полом. В рыбнике находились стол для разделки рыбы, *сельница* (короб для соли на столе), бочки¹⁹.

Ледник, по воспоминанию И. А. Зими́на, мог быть вынесен на берег Амура или находился в пределах огороженной части усадьбы, недалеко от дома. Он был двухэтажным: нижний подземный сруб (3×3 м²) возводился в вырытом котловане. Его потолок из накатника, засыпанный слоем земли, служил полом для верхней части — четырехстенка с двускатной крышей из теса. В нижнюю камеру можно было попасть через люк по лестнице. Внизу хранилась в бочках соленая, а порой и свежая рыба.

К берегу реки выносились и бондарки — бондарные мастерские, представлявшие собой однокамерную постройку с навесом. В бондарке хранились инструменты, находился верстак, под навесом была сложена клепка для бочек²⁰. Рядом с усадьбами часто встречаются колодцы с воротом под двускатной крышей. В селах Верхне- и Нижнетамбовском одним колодцем пользовались несколько хозяев.

В усадьбах и на заимках зажиточных амурских старожилых отмечались все основные типы рассмотренных построек, в усадьбе крестьянина-бедняка и новосела-переселенца начала XX в. помимо жилого дома

¹⁹ Архив отдела истории Хабаровского краеведческого музея. Полевой дневник экспедиции 1980 г., № 1, л. 15.

²⁰ Там же, л. 15—16.

имелись одна-две хозяйственные постройки (амбар, стойка), а иногда их не было совсем ²¹.

Характерная особенность нижеамурского хозяйства — наличие рыболовных угодий, основанных на общинном пользовании. Рыболовные угодья — это *тони*, места, где устанавливались ставные орудия лова рыбы и прибрежные участки — *рыбалки*, на которых строили пристань, рыбник, коптильню, иногда бондарню, склады для временного хранения рыбы. Число построек и их состояние зависело от степени зажиточности хозяина.

Коптильня — наиболее капитальная постройка, состоящая всегда из более или менее прочного бревенчатого сруба с тесовой крышей, квадратная по форме, вышиной 5—6 саженей (10—12 м), с небольшой дверью. Пол углублен в землю на 1½—2 аршина (1,45—1,50 м), на нем-то и раскладывались дрова (корье, ветки кедровника и др.). Для прохода дыма почти под крышей в боковых стенах делали отверстия. Рыбу вешали на жердях, укрепленных на некотором расстоянии от пола.

Большинство хозяйственных построек начала XX в. до нашего времени не сохранилось. Изменилось направление развития хозяйства: рыбный, бондарный и дровяной промыслы перестали существовать как основа экономики нижеамурских сел. Вместе с ними ушли из быта и сезонные жилые помещения на рыбалках — дощатые бараки и бревенчатые избы ²².

Анализируя застройку нижеамурских крестьянских усадеб начала XX в., необходимо отметить, что огороженная усадьба со свободным расположением построек южнорусского типа здесь претерпевает некоторые изменения. На ней появляются такие постройки севернорусского типа, как *завозни* или *повети* (крытые пристройки для саней и телег), ледники, рыбники, широко распространенные и в других местностях Сибири ²³, а также хозяйственные постройки на заимках, связанные с характерным для Сибири и Дальнего Востока видом землепользования.

Эти изменения в застройке усадьбы связаны с географическим, этнографическим и социально-экономическим факторами: влиянием сурового климата, заселением Нижнего Амура несколькими этническими группами русских и украинских переселенцев, ссыльно-поселенцами, а также особенностями развития крестьянского хозяйства промыслового нижеамурского района, ростом его товарности в начале XX в.

В результате анализа полевых материалов, в известной мере характеризующих жилище и усадьбу амурских сел Нижне- и Верхнетамбовское (крестьянский комплекс) и поселений Пашково, Башурово, Радде (казачий комплекс) начала XX в., можно выделить ряд признаков, общих для этих двух комплексов жилища Приамурья и лесной полосы нашей страны, включая Сибирь. Сходны приемы строительной техники срубного жилища с подклетом, с фундаментом из столбов, камней, с деревянным полом из плах или теса, с потолком из полубревен и плах, со значительной высотой засыпки. Огороженная усадьба, обычно разделенная на «чистый» и скотный двор, типична для обширной территории лесной зоны Западной и Восточной Сибири.

Некоторые черты, связанные со спецификой ведения хозяйства в новых условиях расселения, определили ряд особенностей, характерных для обследованных приамурских сел. Наглядно проявляется смешение северно- и южнорусских (украинских) элементов (пока еще трудно го-

²¹ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области, т. III, с. 64.

²² Рыбные промыслы Дальнего Востока. СПб., 1900, т. I, с. 70—71.

²³ Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX—начале XX в.). Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. — ТИЭ, т. LVII. М., 1960, с. 34; Бломквист Е. Э. Указ. раб., с. 198; Липинская В. А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири. — Сов. этнография, 1975, № 5, с. 34—35; Этнография русского крестьянства Сибири XVII—середины XIX в., с. 112—115.

ворить о доминировании определенных черт): в типах внутренней планировки жилищ, в наличии как перпендикулярной, так и параллельной постановки домов по отношению к улице, в бытовании одновременно двускатных и четырехскатных крыш, наличии в наружной и внутренней отделке обмазки и побелки стен: в одновременном бытовании хозяйственных построек северно- и южнорусского происхождения — амбара с защитными стенками, ледника, завозни и стайки, летней кухни.

Жилище амурского казачества строилось по простому плану — четырехстенки с сенями; локальной особенностью его было наличие «террасы», а в конструкции наличников отмечается высокая лобань.

Для нижеамурского крестьянского комплекса характерна более развитая планировка жилища (пятистенки, связь, дом с прирубом), наличие построек, связанных с рыбными промыслами, — рыбников, ледников, бондарок, коптилен, рыбных складов, построек на займках; появление в домовой пропильной резьбе наряду с традиционными славянскими мотивами орнамента отдельных элементов декора дальневосточных пограничных территорий.

В заключение нужно подчеркнуть необходимость дальнейшего исследования жилых и хозяйственных построек Приамурья начала XX в. и материальной культуры русского населения этого региона. Это даст возможность точнее определить этническую и социально-экономическую характеристики русских переселенцев второй половины XIX — начала XX в. на дальневосточной земле, а также проследить их адаптацию к местным условиям.

К. К. Логинов

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ «ЗАОНЕЖАНЕ» ЛОКАЛЬНОЙ ГРУППОЙ РУССКИХ?

Изучение традиционно-бытовой культуры на уровне этнических, этнографических и локальных групп этносов — одна из актуальных проблем советской этнографии и рассматривается ею как самостоятельная задача¹. Перспективным регионом для работы по данной тематике является Русский Север, в частности потому, что основное традиционное подразделение его населения по административно-географическому признаку на каргополов, пудожан, повенчан, петрозаводчан и т. д. уже не соответствует уровню современной науки. Данная статья посвящена одной из групп северно-русского населения, обитавшей частично в Петрозаводском, частично в Повенецком уездах бывшей Олонецкой губернии.

Под Заонежьем в этнографической литературе понимается небольшой район, расположенный в центральной части современной Карелии. Это собственно Заонежский полуостров, глубоко вдающийся с севера в Онежское озеро, с прилегающими островами. На данной территории проживают две группы русских, которые выделяются местным населением, — заонежане и унчане (с. Уница). Численность заонежан в начале XX в. не превышала 30 тыс. человек².

Заонежье с трех сторон окружено водой, а на севере его отделяет от материка неширокая, но в прошлом труднопроходимая в летний период полоса болот. Соседями заонежан исстари являются с севера и запада карелы, с востока и северо-запада русские.

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 48, 49.

² Романов К. К. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении. — В кн.: Крестьянское искусство СССР. Т. 1. Л.: Академия, 1927, с. 12.